

УДК 343.131.5

Нужны дополнительные уголовно-правовые гарантии реализации адвокатом процессуального статуса защитника обвиняемого*

Лобанова Л.В.

Доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой уголовного права
Волгоградского государственного университета

Висков Н.В.

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права
Волгоградского государственного университета

В статье освещается проблема целесообразности включения в УК РФ специальной нормы, запрещающей воспрепятствование осуществлению адвокатом-защитником его процессуального статуса. Особое внимание авторы уделяют выяснению позиции по данному вопросу адвокатского сообщества. В этих целях проведен опрос адвокатов г. Волгограда и Волгоградской области и анализируются результаты данного анкетирования. Обоснован вывод о необходимости создания дополнительных уголовно-правовых гарантий реализации защитником его процессуальной функции.

Ключевые слова: процессуальный статус защитника; назначение уголовного процесса; вмешательство в деятельность адвоката; уголовно-правовой запрет; специальная норма.

Классики дореволюционной уголовно-процессуальной науки не только считали уголовный процесс способом материализации права государства на применение наказания, но и рассматривали уголовно-процессуальные нормы в качестве твердыни, «ограждающей свободу личности от государства» [1, с. 44], формальности, защищающей «невинность от судебного произвола» [2, с. 60]. Такого рода понимание уголовного судопроизводства было не чуждо и представителям советской теории уголовного процесса [3, с. 11]. Теоретическое обоснование необходимости уберечь граждан, участников уголовного судопроизводства от злоупотребления государством репрессией занимает достойное место и в трудах современных исследователей [4, с. 45; 5, с. 35; 6, с. 11-28]. Вместе с тем нельзя не заметить, что сегодняшние сторонники подобной идеи обладают определенными преимуществами перед своими предшественниками, поскольку имеют в своем

распоряжении аргумент в виде законоположений, закрепленных в ст. 6 УПК РФ. Сквозь призму охарактеризованного в названной статье назначения уголовного процесса весомей выглядит право обвиняемого (подозреваемого) на защиту, заметнее становится потребность в обеспечении данного права, включая такую его составляющую, как возможность пользоваться помощью защитника (п. 8 ч. 4 ст. 47 УПК РФ). Соответственно и нарушение права на защиту должно расцениваться не только как ущемление прав частного лица, но и как противодействие нормальному развитию процессуальной деятельности, серьезное нарушение публичных интересов. В научной литературе не случайно, думается, не один год обсуждается вопрос о необходимости конструирования уголовно-правовых норм, устанавливаю-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект № 17-03-00798-ОГМ.

щих ответственность за воспрепятствование законной деятельности адвокатов-защитников. Проблема обеспечения последним благоприятных условий для осуществления процессуального статуса волнует, судя по всему, и государственные структуры. В текущем году это продемонстрировало Министерство юстиции РФ, взявшееся за разработку целого ряда законопроектов, касающихся оптимизации адвокатской деятельности. Среди нововведений ожидается и укрепление уголовно-правовых гарантий реализации адвокатом его профессиональных прав и обязанностей [7].

Мы полагаем, что названный орган государства взялся за разрешение исключительно важной задачи. Действительно, необходимость формулирования соответствующих уголовно-правовых запретов назрела. Попытки обосновать это уже были предприняты нами неоднократно [8, с. 177-183; 9, с. 105-110]. Вместе с тем мы не можем не согласиться с тем, что адвокатское сообщество заслуживает того, «чтобы его мнение было учтено при принятии всех законов и решений, затрагивающих адвокатскую деятельность» [10, с. 24]. Выяснение же этого мнения не должно ограничиваться лишь тем, чтобы указанное сообщество через свои органы активно участвовало в экспертизе соответствующих законопроектов. Немаловажно также привлечь рядовых адвокатов к оценке общественной опасности и распространенности посягательств на их профессиональные права, связанные с осуществлением защиты обвиняемого (подозреваемого), а равно выявить их позицию относительно действенности существующих уголовно-правовых средств реагирования на такого рода посягательства.

Проведенный нами опрос представителей адвокатской профессии был подчинен именно этой задаче. Анкетирование не было многоохватным. В качестве респондентов выступило всего 84 адвоката г. Волгограда и Волгоградской области. Но и результаты данного исследования позволяют судить как о массовидности асоциального явления, именуемого воспрепятствованием законной деятельности адвоката-защитника, так и том негативном влиянии, которое оно оказывает на осуществление правозащитной функции уголовного судопроизводства, а следовательно, и на все функционирование последнего. Эти итоги наглядно указывают на то, что приводимые на страницах юридической литературы и периодической печати [11, с. 218-220 и др.] примеры вопиющих случаев вмешательства в деятельность защитника, к сожалению, неединичны.

Так, подавляющее большинство респондентов в ходе опроса отметили, что им приходилось сталкиваться с неправомерным противодействием осуществлению полномочий защитника по уголовному делу со стороны сотрудников правоохранительных органов. На соответствующий вопрос положитель-

но ответили 78 адвокатов (92,71 %), а отрицательно только 6 (7,29 %). Причем большинство из опрошенных при этом подчеркнули, что результатом подобного поведения лиц, осуществляющих производство по делу, стало нарушение права обвиняемого (подозреваемого) на защиту. Это констатировали 56 опрошенных (66,66 %). Вместе с тем установление непосредственной связи между проявлениями вмешательства в деятельность защитника либо иными вариантами создания помех для реализации защитником своего правового статуса, с одной стороны, и нарушением права на защиту – с другой немало важно для обоснования необходимости уголовной ответственности за воспрепятствование законной деятельности адвоката. Ведь именно в существенности ущемления рассматриваемого конституционного права обвиняемого (подозреваемого), а также обусловливаемого таким нарушением урона государству заключается прежде всего вредоносность предусматриваемого поведения компетентных должностных лиц, сознательно затрудняющих получение обвиняемым (подозреваемым) квалифицированной юридической помощи. Судя по данным нашего анкетирования, устранить либо нейтрализовать негативные последствия такого поведения удастся не так уж часто. Из числа адвокатов, указавших на ситуации нарушения права на защиту в результате вмешательства в их деятельность (56 человек), только 22 (39,46 %) подтвердили, что нарушенное в результате неправомерного противодействия защите право было впоследствии восстановлено.

Представители адвокатских образований считают, что наиболее часто подобное противодействие со стороны лиц, осуществляющих производство по делу, имеет место в ходе предварительного расследования. Данный факт отметило 83,33 % опрошенных (70 респондентов). Вместе с тем отмечались и случаи противодействия осуществлению полномочий защитника в суде первой инстанции (8 случаев, то есть 9,52 %), при рассмотрении дела в последующих судебных инстанциях (2 случая, то есть 2,38 %), а также на стадии процессуальной проверки (4 случая, то есть 4,76 %).

Приведенные сведения едва ли оставляют сомнения в том, что искусственное создание препятствий для реализации процессуального статуса защитника в уголовном судопроизводстве сами профессиональные правозащитники оценивают как явление распространенное и небезопасное для демократического уголовного процесса. Отсюда и отрицание подавляющим большинством из опрошенных адвокатов предположения о том, что право на защиту в достаточной мере гарантировано посредством установления уголовной ответственности должностных лиц правоохранительных органов за противодействие осуществлению закрепленных законом полномочий защитника по уголовному делу. Такого

мнения придерживается 88,09 % респондентов (74 адвоката). И это вполне закономерно. Действующий уголовный закон способен защитить адвокатов даже не от всех насильственных действий. Так, за рамками соответствующих статей главы 31 УК РФ (ст. ст. 295, 296) остаются адресованные адвокатам неконкретизированные угрозы, а также угрозы иного содержания, чем обещание причинить вред жизни и здоровью защитника или его близкого. Не рассчитана на подобные ситуации и ст. 294 УК РФ. Тем более, проблематично оценить как преступное деяние такое воспрепятствование законной деятельности защитника-адвоката, которое не носит насильственного характера, хотя во многих случаях подобное деструктивное поведение способно и парализовать защиту, и нанести непоправимый вред авторитету правосудия. Нашим респондентам было предложено указать, какие именно из форм существенного нарушения полномочий защитника на практике встречается наиболее часто. Весьма распространенными случаями ущемления процессуального статуса защитника адвокатами считаются, в частности:

- ограничение доступа к задержанному непосредственно после фактического задержания;
- ограничение доступа к подозреваемому (обвиняемому), содержащемуся под стражей;
- искусственное создание оснований для отвода защитника;
- отказ в допуске к участию в деле.

О первом и втором нарушении заявили соответственно 32 (38,09 %) и 24 (28,57 %) адвоката, а о третьем и четвертом – 14 (16,66 %) и 10 (11,9 %) респондентов.

Вполне прогнозируемым, с учетом отмеченного, оказался и ответ адвокатов на следующий вопрос: «Считаете ли Вы необходимым введение в УК РФ специальной нормы, предусматривающей ответственность за воспрепятствование осуществлению полномочий защитника обвиняемого (подозреваемого), совершенное сотрудниками правоохранительных органов?». Подавляющее большинство респондентов (70 человек, то есть 83,33 %) согласились, что статья, закрепляющая подобную норму, действительно необходима.

В ходе обсуждения инициатив Министерства юстиции РФ одним из московских адвокатов (Даниил Бергман) высказывалось мнение, что уголовная ответственность должна устанавливаться лишь за насилие или угрозы в отношении адвоката, поскольку остальные действия «носят формальный оттенок законности» [12]. Проанализированные нами результаты анкетирования заставляют, по крайней мере, усомниться в том, что такого рода мнение является преобладающим среди представителей адвокатской профессии.

Реалии современной адвокатской практики таковы, что не позволяют согласиться также с теми,

кто считает достаточным установить ответственность лишь за вмешательство в законную деятельность адвоката, а не за всякое воспрепятствование таковой [13, с. 40]. Ведь за рамками вмешательства в деятельность защитника оказываются любые пассивные формы поведения лиц, ответственных за обеспечение права обвиняемого на защиту, а также создание препятствий для возникновения адвокатской деятельности как таковой.

Между тем и такие варианты воспрепятствования получению обвиняемым (подозреваемым) квалифицированной юридической помощи способны лишить центральную фигуру уголовного процесса возможности защищать свои права и законные интересы и тем самым нанести сокрушительный удар по правосудию.

Мы не склонны отрицать, что некоторые из общественно опасных форм воспрепятствования законной деятельности адвоката-защитника могли бы и сегодня повлечь за собой применение уголовно-правовых норм о должностных злоупотреблениях (ст.ст. 285, 286 УК РФ). Однако подобная реакция государства с учетом проведенного анкетирования представляется явлением редким. А следовательно, преступность сознательного, а порой и демонстративного игнорирования права обвиняемого на защиту далеко не очевидна для правоприменителя. Полагаем, что это как раз тот случай, когда законодатель в целях актуализации борьбы «с разновидностью деяний, уже предусмотренных законом», должен прибегнуть к «конструированию специальных норм с более конкретным, чем в общей норме, изложением признаков наказуемого поведения» [14, с. 20]. В этом убеждены многие представители адвокатского сообщества. Дело ученых теперь помочь российскому правотворцу определить содержание нового уголовно-правового запрета с тем, чтобы и «подчеркнуть преступность каких-то определенных действий» [14, с. 20], препятствующих реализации процессуального статуса адвоката, и восполнить существующие в этой области пробелы в уголовном законе.

Сформулируем в заключение некоторые выводы.

1. С учетом определенного законом назначения уголовного процесса (ст.6 УПК РФ) нарушение права на защиту следует считать не только ущемлением прав частного лица (подозреваемого, обвиняемого), но и противодействием нормальному развитию процессуальной деятельности, серьезным нарушением публичных интересов. С этой позиции разработка Министерством юстиции РФ проектов законов, касающихся уголовной ответственности за воспрепятствование законной деятельности адвоката, представляется закономерной.

2. Проведенное нами анкетирование адвокатов показало, что большинство представителей адвокатской профессии склонны поддержать подобную

инициативу названного государственного органа, считая недостаточными для беспрепятственного осуществления процессуального статуса защитника существующие уголовно-правовые гарантии. Большинство из опрошенных отмечена при этом тесная связь фактов воспрепятствования законной деятельности адвоката-защитника с существенным нарушением права обвиняемого (подозреваемого) на защиту. Значительная часть представителей адвокатской профессии отметила и распространенность ситуаций, при которых нарушенное право обвиняемого (подозреваемого) на защиту невосстановимо. Результаты опроса не оставляют сомнений в массовидности и вредности воспрепятствования законной деятельности защитника.

3. Примечательно, что опрошенные адвокаты видят опасность для правосудия не только в насильственных посягательствах на процессуальные интересы защитника, но и в таких деяниях, как неправомерное ограничение доступа к задержанному непосредственно после фактического задержания, неправомерное ограничение доступа к подозреваемому (обвиняемому), содержащемуся под стражей, незаконный отказ в допуске к участию в деле и искусственное создание оснований для отвода. Они усматривают в подобном поведении существенное ущемление конституционного права обвиняемого (подозреваемого) на защиту. Большинство из респондентов при этом высказались за необходимость конструирования специальных норм, устанавливающих уголовную ответственность за воспрепятствование реализации процессуального статуса адвоката-защитника. Потребность в этом действительно существует. Создание соответствующей статьи УК РФ позволило бы обратить внимание на преступный характер уже запрещенных уголовным законом злоупотреблений должностными полномочиями со стороны сотрудников правоохранительных органов, а равно восполнить существующие пробелы в уголовно-правовой охране прав и законных интересов лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство в качестве подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений.

Литература:

1. Фельдштейн Г.С. Лекции по уголовному судопроизводству. – М.: Типо-литография В. Рихтер, 1915. – 432 с.
2. Баршев Я.И. Основание уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. – СПб.: Тип. 2 Отд. собств. е. и. в. канцелярии, 1841. – 326 с.
3. Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. – М.: Изд-во МГУ, 1956. – 271 с.
4. Понятовская Т.Г. Концептуальные основы системы понятий и институтов уголовного и уголовно-процессуального права. – Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 1996. – 231 с.
5. Михайловская И.Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). – М.: Проспект, 2003. – 143 с.
6. Лазарева В.А., Иванов В.В., Утарбаев И.А. Защита прав личности в уголовном процессе России: учеб. пособие. – М.: «Юрайт», 2011. – 312 с.
7. Защиту усилят // Российская газета: электронное издание. 2018. – URL: <https://rg.ru/2018/04/22/miniust-predlozhit-vvesti-nakazanie-za-pomehi-v-rabote-advokata.html> (дата обращения 22.11.2018 г.).
8. Лобанова Л.В. К вопросу об уголовно-правовых гарантиях реализации права на защиту // Вестник экономики, права и социологии. – 2017. – № 4. – С. 177-183.
9. Лобанова Л.В., Висков Н.В. О некоторых общественно опасных проявлениях нарушения права обвиняемого (подозреваемого) на защиту // Общество: политика, экономика, право. – 2017. – № 12. – С. 105-110.
10. Рагулин А.В. Нарушения профессиональных прав адвокатов: основные понятия, виды, способы противодействия // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2016. – № 4 (43). – С. 24-31.
11. Дворянсков И.В. Уголовно-правовая охрана интересов судебной власти. – М.: Издат. центр РГУ нефти и газа имени И.М. Губкина, 2013. – 377 с.
12. В Минюсте обсуждают введение уголовной ответственности адвокатов, действующих во вред доверителям // Адвокатская газета: электронное издание. 2018. – URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/v-minyuste-obsuzhdayut-vvedenie-ugolovnoy-otvetstvennosti-advokatov-deystvuyushchikh-vo-vred-doveritelyam/> (дата обращения 22.11.2018 г.).
13. Дворянсков И.В. Концептуальные основы уголовно-правовой охраны интересов судебной власти: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2013. – 59 с.
14. Горелик А.С. Конкуренция уголовно-правовых норм: учебное пособие. – Красноярск: Изд-во Красноярского гос. ун-та, 1998. – 106 с.

**The Necessity of Additional Criminal Guarantees for Realization
of the Procedural Status of the Counsel for the Accused by the Lawyer**

L.V. Lobanova, N.V. Viskov
Volgograd State University

The article dwells upon the expedience of inclusion of the special norm forbidding hindrance to implementation by the lawyer-defender of his procedural status in the Criminal Code of the Russian Federation. The authors pay special attention to clarification of the legal community's view on that matter. For this purpose, survey among lawyers of Volgograd and the Volgograd region was conducted and its results were analyzed. As a result, the authors came to the conclusion about the necessity to create additional criminal guarantees for realization by the defender of his procedural function.

Key words: procedural status of the defender, purpose of criminal proceedings, intervention in lawyer's activities, criminal prohibition, special norm.

